

В. П. Скобелев

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ,
ЗАЯВЛЯЮЩИХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ
НА ПРЕДМЕТ СПОРА**

Третьи лица представляют собой таких субъектов искового производства, которые принимают участие в чужом для них (т. е. возникшем между другими субъектами – сторонами) процессе с целью защиты своих собственных прав или охраняемых законом интересов. Будучи важной гарантией реализации принципов процессуальной экономии и выяснения судом действительных обстоятельств дела, институт третьих лиц всегда привлекал пристальное внимание ученых, в том числе и на уровне диссертационных исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6, с. 168–182; 7; 8, с. 68–86]. Однако изучение данного института не потеряло своей актуальности и в настоящее время. Обусловлено это прежде всего несовершенством действующего процессуального законодательства. Несмотря на то, что в ГПК 1999 г. законодателем был реализован целый ряд ранее выработанных наукой рекомендаций, в Кодексе все-таки недостаточно полно, а иногда и не совсем верно урегулированы вопросы о порядке и последствиях вступления третьих лиц в дело, об их правовом статусе, о возможности применения к третьим лицам отдельных процессуальных институтов и правил. Помимо этого, актуальность названной темы связана также с тем, что ряд вопросов, касающихся третьих лиц, в процессуальной науке продолжают оставаться дискуссионными, а некоторые доктринальные положения требуют своего уточнения.

В зависимости от характера заинтересованности в исходе дела процессуальное законодательство делит третьих лиц на два вида: заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 65 ГПК) и не заявляющие таковых требований (ст. 67 ГПК). Ввиду того, что круг проблем, имеющих отношение к обеим разновидностям третьих лиц, весьма широк, представляется целесообразным остановиться лишь на тех из них, которые касаются первого вида третьих лиц.

Прежде всего, следует обратить внимание на проблему отграничения третьих лиц с самостоятельными требованиями от таких субъектов процесса, как соистцы. В юридической литературе по этому поводу нередко указывается, что третье лицо, заявляющее самостоятельные требования, всегда вступает в уже возникший процесс, соистец же может являться инициатором возбуждения дела (т. е. участвовать в нем с самого начала); требования соистца всегда адресованы лишь к ответчику, а притязания третьего лица могут быть обращены также и к первоначальному истцу [2, с. 13; 9, с. 83; 10, с. 239; 11, с. 75]. Несмотря на правильность данных констатаций, момент вступления в дело и направленность иска все же нельзя признать в качестве удовлетворительных критериев для разграничения указанных субъектов процесса, так как на их основе невозможно объяснить, чем отличаются друг от друга соистец, вступающий в процесс уже после его начала, и третье лицо, предъявляющее свой иск только к ответчику. Названные критерии акцентируют внимание лишь на внешней, формальной стороне процессуальных явлений, поэтому раскрывают не суть различий соистца и третьего лица, а лишь описывают *некоторые* закономерные процессуальные *последствия* этих существенных различий.

Некоторыми авторами среди отличительных признаков указывалось то, что третье лицо и истец являются предполагаемыми субъектами различных по своему содержанию материальных правоотношений; соистцы же – предполагаемые участники единого сложного многосубъектного правоотношения при обязательном соучастии или нескольких, но аналогичных по своему содержанию, материальных правоотношений при факультативном соучастии [12, с. 10; 13, с. 137]. С подобным мнением трудно согласиться. Ведь очень часто и истец и вступающее в дело третье лицо номинируют себя в качестве субъектов права собственности на одно и то же спорное имущество. Правоотношения же собственности по своему содержанию, т. е. по характеру наполняющих их субъективных прав и обязанностей, являются одинаковыми вне зависимости от различий в личности участников этих отношений. Не имеет значения, на наш взгляд, также и вид собственности: правоотношения индивидуальной, общей долевой и общей совместной собственности, если брать в расчет только их содержание, следует признавать не разными, как это считает В. Н. Аргунов [12, с. 10], а, выражаясь его терминологией, аналогичными.

В литературе встречаются также попытки провести разграничение третьих лиц с самостоятельными требованиями на предмет спора и соистцов по тому признаку, что основания требований третьего лица и первоначального истца всегда являются различными (в то время как у соистцов они могут совпадать) [1, с. 9; 14, с. 31; 15, с. 215]. Следует заметить, что сам по себе вопрос о том, как соотносятся между собой основания исков третьего лица и первоначального истца, в науке дискусионен. Многие процессуалисты считают, что основания этих исков никогда не могут быть одинаковыми [2, с. 10; 6, с. 171; 13, с. 136–137; 16, с. 84; 17, с. 298]. Однако существует и противоположная точка зрения, сторонники которой в качестве иллюстрации своих выводов приводят тот случай, когда ненадлежащий истец не соглашается на свою замену надлежащим истцом, и этот последний вступает в дело в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора [18, с. 264–265; 19, с. 91].

Представляется, что основания требований третьего лица и истца действительно не могут полностью совпадать, в какой-то части они всегда различаются: ведь если притязания истца и третьего лица на предмет спора идентичны, а суд удовлетворяет требования только кого-то одного из них, то, очевидно, причину этого следует усматривать прежде всего в различиях оснований исков. Нет тождества оснований исков и в приведенном выше примере. Допустим, что в качестве истца там выступала жена, требовавшая от ответчика возмещения вреда, причиненного порчей одежды (т. е. вещей индивидуального пользования) ее мужа, а третьим лицом – сам муж. Несмотря на всю свою внешнюю схожесть, основания исков мужа и жены имеют различия в следующей части: в основание требований жены входит факт принадлежности поврежденной вещи к *общей совместной* собственности супругов, а в основание требований мужа – факт нахождения этой вещи в его *индивидуальной* собственности. Вместе с тем, рассматриваемый признак вряд ли можно признать удачным критерием для разграничения третьих лиц и соистцов. Во-первых, основания требований далеко не всегда совпадают и у соистцов: тождество оснований их исков имеет место лишь при обязательном соучастии, когда соистцы номинируют себя в качестве обладателей какого-то общего для них права, при факультативном же соучастии основания требований соистцов всегда имеют различия. Во-вторых, отсутствие тождества оснований исков есть лишь формальный, внешний при-

знак, который не вскрывает глубинной сути различий соистцов и третьих лиц.

По нашему мнению, коренное отличие третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, от соистцов следует усматривать в том, что интересы соистцов никогда не коллизируют, в то время как интересы третьего лица и первоначального истца всегда противостоят, взаимно исключают друг друга. На этот признак указывали практически все ученые, однако далеко не все из них называли его в качестве главного, существенного признака, предопределяющего все иные (рассмотренные выше) различия третьих лиц и соистцов. Ведь именно ввиду противоречия интересов третье лицо никогда не может инициировать возбуждение дела одновременно с истцом и всегда вступает в уже возникший процесс. По той же причине требования третьего лица могут быть адресованы не только к ответчику, но и к истцу.

Наконец, коллизия интересов обуславливает и различие оснований требований третьего лица и истца. Дело в том, что противоречие интересов указанных субъектов возникает еще до начала процесса, когда в отношении определенного блага помимо его действительного обладателя аналогичный интерес приобретает еще одно лицо (ввиду, например, отсутствия у него информации об истинном правообладателе, под влиянием неправильной оценки фактов объективной реальности и даже вследствие осознанного стремления завладеть чужим благом). Реализация интереса в судебном порядке предполагает необходимость указания на субъективное материальное право, опосредствующее этот интерес. Ввиду того, что интересы истца и третьего лица противоположны, каждый из них при обращении в суд будет ссылаться на свое, самостоятельное право в отношении предмета спора. Но коль скоро утверждаемые истцом и третьим лицом права самостоятельны, не совпадают друг с другом, то обстоятельства, которые эти субъекты приводят в подтверждение своих правомочий (т. е. основания требований), конечно же, не могут быть тождественными. И наоборот. Если интересы нескольких лиц в отношении одного и того же блага не коллизируют, если они взаимно признают интересы друг друга, считая их общими, то при обращении в суд данные лица будут номинировать себя не иначе, как в качестве субъектов общего права (порождая тем самым обязательное активное соучастие), лица же, считающие себя субъектами общего права, основания своих требований не могут определять по-разному.

Тот факт, что соотношение материально-правовых интересов оказывает самое непосредственное влияние на определение процессуального положения в деле заинтересованных лиц, в литературе не всегда учитывается. Так, по мнению Т. В. Сахновой, в судебный спор двух наследников по закону о разделе наследства третий наследник по закону может вступить только в качестве соистца, но не третьего лица, так как у всех наследников по закону природа и основания возникновения прав одинаковы, а потому отсутствует объективная возможность заявить самостоятельные требования на предмет спора [15, с. 215, 216]. Объективно, действительно, у всех трех наследников по закону как участников общей долевой собственности на наследство основания прав одинаковы. Причем, в отличие от Т. В. Сахновой, мы полагаем, что в основание прав каждого наследника входит не только факт смерти наследодателя, но и ряд других обстоятельств (принятие наследства и т. п.), *в том числе факт существования иных наследников по закону*. Но дело в том, что заинтересованные лица далеко не всегда при обращении в суд указывают на такие права и лежащие в их основании факты, которые существуют в реальности. Содержание утверждений субъектов процесса формируется под влиянием их интересов. Так, если в приведенном выше примере истец и третий наследник взаимно признают интересы друг друга в отношении наследственного имущества (а Т. В. Сахнова даже и не предполагает иного варианта), то при обращении в суд они, конечно же, будут номинировать себя в качестве субъектов общего для них права, приводя при этом полностью тождественные основания своих требований. Без сомнения, в такой ситуации третий наследник должен быть допущен в дело в качестве соистца. Но интересы указанных субъектов могут и не совпадать, истец может полностью отрицать притязания на наследство третьего наследника и потому при обращении в суд утверждать о существовании общей долевой собственности на наследство лишь *двух* субъектов – его и ответчика, ссылаясь в подтверждение своих требований на факт отсутствия иных наследников. В этом случае третьему наследнику для защиты своих интересов не остается ничего иного, как вступить в дело в качестве третьего лица, заявив при этом свои самостоятельные – как участника общей долевой собственности *уже трех* субъектов – права на предмет спора и приводя в основании своих требований совсем *другой* факт – наличие третьего наследника, т. е. самого себя. Аналогично наследник по завещанию в спор наследников по закону о разделе наследства может вступать не только в ка-

честве третьего лица, как это полагает Т. В. Сахнова [15, с. 215], но и соистца.

Соотношение материально-правовых интересов не всегда учитывается при распределении процессуальных ролей и нормотворческими органами. Например, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 14 постановления от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» дал следующее разъяснение: если иск о лишении родительских прав предъявлен только к одному родителю, то суд в порядке ст. 66 ГПК должен известить о деле другого родителя и разъяснить ему право на предъявление иска о передаче ребенка на воспитание. Но ведь интересы (и заявленные в целях их реализации требования) истца, т. е. ребенка, и вступающего в процесс родителя не исключают друг друга. Не исключают потому, что направлены на *разные* предметы, суть каждого из которых выражена в наименовании соответствующего требования. А раз так, то и вступать в процесс второй родитель должен не в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора, а в качестве соистца (юридической базой для такого соучастия с определенной долей аналогии – так как у заявленных требований не хватает общности правовых оснований – может служить п. 2 ч. 1 ст. 62 ГПК). Поэтому полагаем, что в указанное постановление Пленума должны быть внесены соответствующие коррективы.

Интересы третьего лица и первоначального истца всегда противоположны, в то же время заявляемые третьим лицом требования не во всех случаях полностью исключают требования истца. Так, в приведенном выше примере требования наследника по закону, вступающего в качестве третьего лица в спор двух других наследников по закону о разделе наследства, не исключают полностью удовлетворения требований первоначального истца. В подобной ситуации, по мнению М. С. Шакарян, положение третьего лица в процессе осложняется: оно становится двойственным, сочетая в себе признаки участия третьего лица и соистца; в той части, в которой требования третьего лица не исключают требования первоначального истца, данные субъекты являются соистцами [7, с. 11]. С таким утверждением сложно согласиться. Ведь если посмотреть на ситуацию с позиций истца, можно заметить, что как раз его-то требования исключают притязания третьего лица в полном объеме, а потому ни о каком соучастии речи идти не может. Но даже если мы обратимся к тем случаям, когда *оба* требования (как третьего лица, так и истца) не исключают полностью

друг друга, то и здесь следует констатировать отсутствие подобия соучастия. Дело в том, что для каждого из указанных субъектов его интерес является *единым, неделимым* и заключается в стремлении обладать соответствующим благом *именно в том* размере, какой указан в его исковом требовании. Если же одновременная реализация интересов истца и третьего лица невозможна, что имеет место всегда, когда заявленные ими требования хоть в какой-то части исключают друг друга, это значит, что данные интересы в целом, а не в какой-то части, находятся между собой в отношении конфликта, противоречия. Следовательно, отсутствует и какой-либо повод говорить о соучастии.

Переходя теперь к рассмотрению порядка вступления третьего лица в дело, следует обратить внимание на уже давно обсуждаемую в юридической литературе проблему определения адресата¹ требований третьего лица. По мнению большинства ученых, иск третьего лица может быть предъявлен как сразу к обоим, так и только к какой-то одной (по его выбору) стороне процесса [2, с. 8; 8, с. 80; 12, с. 10; 15, с. 215–216; 16, с. 81–82; 17, с. 299; 20, с. 323–324; 21, с. 119; 22, с. 87]. Однако некоторые процессуалисты считают, что требования третьего лица, как минимум, всегда направлены против первоначального истца, поэтому иск третьим лицом может предъявляться или к истцу одному, или к истцу и ответчику вместе, адресовать же требования исключительно ответчику нельзя [6, с. 173–174; 7, с. 10–11; 23, с. 189–190]. Наконец, еще одна группа авторов полагает, что положение ответчика по иску третьего лица, причем даже независимо от его фактической направленности, занимают обе первоначальные стороны [18, с. 266–267; 24, с. 130].

С двумя последними точками зрения нельзя согласиться уже хотя бы потому, что решать (категорично и однозначно) за третье лицо вопрос об адресате его иска неправомерно: в силу принципа диспозитивности решение этого вопроса может (и должно) быть отнесено к усмотрению лишь самого третьего лица. В действительности же, как представляется, сторонники двух указанных подходов вопрос о судь-

¹ По нашему глубокому убеждению, иск как требование о защите права или охраняемого законом интереса может быть адресован только суду. В данном же случае для целей исследования выражения «адресат иска», «лицо, к которому иск предъявлен» используются нами в традиционном для процессуальной теории и законодательства смысле как обозначение (неточное, а потому сугубо условное) того субъекта, *против* которого у суда ищут защиты и который в исковом заявлении должен быть назван в качестве ответчика.

ектной направленности иска третьего лица смешали с вопросом о взаимном соотношении интересов участников процесса. Выше уже отмечалось, что интерес третьего лица всегда противостоит интересам истца, следовательно, его коллизия только с интересами ответчика, действительно, невозможна. В отношении противоречия в подавляющем большинстве (но не во всех, и в литературе приводятся тому примеры [20, с. 324]) случаев интерес третьего лица находится и с заинтересованностью (так как препятствует ее реализации) ответчика, а значит, в плане интересов третьему лицу, как правило, противостоят обе первоначальные стороны. Однако отсюда еще нельзя делать вывод о том, кто займет место ответчика по иску третьего лица. Ведь цель третьего лица – защитить и реализовать свой интерес. А достижение этого результата далеко не всегда требует от третьего лица предъявления иска непременно к истцу или сразу к обеим сторонам процесса. Так, если спорную вещь удерживает у себя ответчик, адресовать иск о присуждении этой вещи только (или также и) к истцу не имеет никакого смысла. Удовлетворение же иска о признании вообще не связано с тем, предъявлен ли он к фактическому обладателю предмета спора или нет, вследствие чего третьему лицу достаточно будет номинировать в качестве ответчика любую из первоначальных сторон. При этом предъявление иска только к одной стороне отнюдь не означает, как это полагают некоторые ученые [25, с. 114], что отношения третьего лица с другой стороной остаются неурегулированными и становится возможным последующее обращение их друг к другу с новыми исками о том же предмете [26, с. 135].

Таким образом, именно первая из упомянутых выше точек зрения предлагает правильное решение анализируемой проблемы. Поэтому появившееся в ч. 1 ст. 65 ГПК Республики Беларусь 1999 г. указание на возможность предъявления третьим лицом иска *к одной или обеим* сторонам процесса следует признать совершенно оправданной новеллой². Данный подход реализован в новом процессуальном законодательстве также ряда других стран постсоветского пространства – Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Украины³. И в этой связи не может не вызвать удивления тот факт, что точка зрения

² Хотя новеллой это можно считать лишь по сравнению с ГПК 1964 г., оставившем вопрос об адресате иска третьего лица полностью открытым, в действовавшем же на территории БССР ГПК РСФСР 1923 г. аналогичная норма уже содержалась.

³ Для Украины это положение также не является новым, так как было предусмотрено еще в ГПК УССР 1963 г. – единственном из всех ГПК союзных республик 1960-х гг.

большинства российских ученых (ведь дискуссия по рассматриваемой проблеме велась преимущественно представителями российской правовой школы) не нашла законодательного воплощения в самой Российской Федерации: ГПК РФ 2002 г. по-прежнему (т. е. в продолжение традиций ГПК РСФСР 1964 г.) не говорит ни слова о том, кто может являться ответчиком по иску третьего лица.

Ввиду того, что третье лицо вступает в чужой процесс путем предъявления иска, возникает вопрос, каким термином оно должно именовать себя в исковом заявлении: «истец» или «третье лицо». По нашему мнению, второй вариант в большей мере соответствует сущности процессуальных явлений. Что же касается тех лиц, которым третье лицо адресует свои требования, то, как представляется, в исковом заявлении они должны быть обозначены термином «ответчики». Однако при этом следует иметь в виду, что, во-первых, предъявление третьим лицом иска к обеим первоначальным сторонам не порождает между ними пассивного соучастия (ученые, утверждающие обратное [22, с. 87], не учитывают то обстоятельство, что интересы первоначальных сторон всегда конфликтуют). И, во-вторых, вступление третьего лица в чужое дело не ведет к изменению наименований первоначальных сторон, в ходе процесса они по-прежнему будут называться «истец» и «ответчик» (наименование «ответчик» отражает здесь положение соответствующего субъекта, конечно же, по отношению к истцу, а не третьему лицу). Сложнее обстоит вопрос с определением наименований участников процесса в том случае, когда требования нескольких истцов в отношении одного и того же блага в соответствии с ч. 3 ст. 250 ГПК объединяются судом в одно производство. Можно ли здесь кого-то из истцов назвать «третьим лицом», например, того, кто предъявил свой иск последним? Думается, что вряд ли, так как необходимый признак третьего лица – *вступление в чужой процесс*, отсутствует. По-видимому, все истцы должны оставаться «истцами» и в объединенном производстве (разумеется, без приобретения ими статуса соучастников).

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, связан с проблемой определения количества и характера оснований, по которым суд может отказать третьему лицу в рассмотрении его требований. Очевидно, что, коль скоро третье лицо обращается в суд с иском, речь, в первую очередь, должна идти о таких основаниях, как отсутствие у третьего лица права на предъявление иска и (или) нару-

шение им порядка реализации этого права, т. е. основаниях, которые закреплены и конкретизированы законодателем в ст. 245 и 246 ГПК. Однако проблема заключается в том, что название этих статей, употребляемая в них терминология и структурное расположение в Кодексе говорят о возможности использования их судом лишь при решении вопроса *о возбуждении гражданского дела*, т. е. вопроса о принятии искового заявления от *первоначального истца*, применение же их в случае подачи иска третьим лицом, с формальной точки зрения, исключено⁴. В итоге получается, что, не имея права воспользоваться ст. 245 и 246 ГПК при наличии в этом объективной потребности, суд должен принимать от третьего лица исковое заявление, но затем сразу же прекращать по нему производство или оставлять его без рассмотрения в соответствии со ст. 164, 165 ГПК. Безусловно, с точки зрения процессуальной экономии такой вариант неприемлем. Поэтому ст. 65 ГПК, на наш взгляд, необходимо дополнить положением о праве суда отказывать третьему лицу в принятии искового заявления, если в наличии имеются обстоятельства, предусмотренные ст. 245 и 246 ГПК (такое предложение, правда, по несколько иным мотивам, в литературе уже выдвигалось [7, с. 7]). До внесения же в ст. 65 ГПК дополнительных проблем может решаться путем применения норм ст. 245 и 246 ГПК к третьему лицу *по аналогии*.

Вместе с тем следует отметить, что применение в отношении третьего лица некоторых пунктов названных статей должно быть ограничено. Прежде всего это касается п. 1 ст. 245 ГПК, так как в ряде случаев вступлению третьего лица в дело препятствует именно неподведомственность его требования общему суду. Например, в дело об истребовании гражданином имущества у организации в качестве третьего лица с иском к тому же ответчику не может быть допущено юридическое лицо, так как споры между организациями подведомственны хозяйственным судам⁵. Кстати, в хозяйственном процессе аналогичная проблема также существует: правила подведомственности

⁴ Подобной проблемы нет, например, в российском гражданском процессе, поскольку ст. 134 и 135 ГПК РФ, соответствующие ст. 245 и 246 ГПК Республики Беларусь, имеют наименования «Отказ в принятии искового заявления» и «Возвращение искового заявления», а глава Кодекса, в которой они находятся, – «Предъявление иска». То же самое можно сказать и про отечественный хозяйственный процесс.

⁵ Использовать, как полагают некоторые ученые [7, с. 7], норму ч. 2 ст. 38 ГПК здесь нельзя, так как требования истца и третьего лица являются не *взаимосвязанными*, а *взаимоисключающими*.

не позволяют гражданам, не обладающим статусом индивидуального предпринимателя, участвовать в делах, рассматриваемых хозяйственными судами, в качестве третьих лиц с самостоятельными требованиями на предмет спора⁶. Очевидно, что нецелесообразно расплыть рассмотрение требований претендентов на одно и то же благо между судами разных систем, подчиняющихся к тому же различным процессуальным регламентам. В силу принципов процессуальной экономии и выяснения судом действительных обстоятельств дела рассмотрение этих вопросов должно быть сосредоточено в одном юрисдикционном органе. Поэтому представляется необходимым как ГПК, так и ХПК дополнить нормой о том, что иск третьего лица подведомствен суду, рассматривающему спор между первоначальными сторонами.

По тем же самым причинам и подсудность иска третьего лица должна определяться местом рассмотрения спора первоначальных сторон. В этой связи следует исключить применение в отношении данного субъекта п. 1 ст. 246 ГПК путем дополнения ст. 50 ГПК нормой о том, что иск третьего лица независимо от его подсудности предъявляется в суд по месту рассмотрения первоначального иска (такую норму, кстати, следует ввести и в ХПК). Примечательно, что это предложение высказывалось еще в литературе советского периода [7, с. 7], однако до сих пор законодательством не только Беларуси, но и других государств постсоветского пространства (за редким исключением – например, Казахстана, Молдовы) не воспринято. А ведь в отсутствие такой нормы подсудность иска третьего лица может определяться лишь на *общих* основаниях, и вряд ли правы те авторы, которые констатируют подсудность этого иска суду, рассматривающему первоначальный спор, как нечто само собой разумеющееся, без всякого законодательного обоснования [17, с. 299; 18, с. 267].

⁶ В этой связи не может не вызвать возражения следующее разъяснение, содержащееся в п. 7.9 совместного постановления Пленумов Верховного и Высшего Хозяйственного Судов от 22 июня 2000 г. № 4/3 «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами»: если гражданами, участвующими в хозяйственном процессе в качестве третьих лиц без самостоятельных требований, такие требования будут заявлены, производство по делу в хозяйственном суде подлежит прекращению в связи с подведомственностью дела общему суду. Но ведь производство по делу может быть прекращено по этому основанию *лишь в случае принятия* хозяйственным судом иска третьего лица к рассмотрению, а как раз принимать такой иск к рассмотрению, что не учли высшие судебные инстанции, правила подведомственности (и на момент издания указанного разъяснения, и в настоящее время) хозяйственному суду *не позволяют*.

Кроме того, для обеспечения своевременности защиты третьим лицом своих прав следовало бы ограничить применение в отношении его п. 2 ст. 246 ГПК. С этой целью ст. 65 ГПК нужно дополнить нормой, освобождающей третье лицо от обязанности соблюдать предварительный внесудебный порядок разрешения дела. Например, в ч. 2 ст. 64 ХПК такая норма уже закреплена, что представляется совершенно оправданным.

К числу оснований, по которым суд вправе отказать третьему лицу в рассмотрении его требований, большинство авторов относит также такое, как отсутствие связи иска третьего лица с рассматриваемым делом [6, с. 170–171; 8, с. 79; 15, с. 217; 18, с. 266, 268; 20, с. 324]. С этим мнением нельзя не согласиться, так как допущение в дело в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования *на предмет спора*, субъекта, чей иск к предмету спора *не имеет никакого отношения*, было бы не только алогичным, но и, что самое главное, привело бы к ничем не оправданному затягиванию и осложнению процесса. ГПК БССР 1964 г. (причем единственный из всех ГПК союзных республик 1960-х гг.) в ч. 2 ст. 94 прямо указывал на возможность отказа третьему лицу во вступлении в дело по такому основанию. Данная норма воспроизведена и в ч. 2 ст. 65 действующего ГПК.

Однако некоторые ученые полагают, что третьему лицу не может быть отказано в принятии искового заявления по основаниям иным, чем истцу, поскольку оно обладает процессуальным статусом последнего. М. С. Шакарян также, в плане критики ч. 2 ст. 94 ГПК БССР 1964 г., указывала, что признание того, относится или нет иск третьего лица к рассматриваемому делу, является решением вопроса по существу, а отклонение по этому основанию ходатайства третьего лица о допуске его в дело может (в случае отмены по частной жалобе третьего лица соответствующего определения суда или предъявления третьим лицом самостоятельного иска) вызвать осложнение процесса [1, с. 8; 7, с. 6–7; 12, с. 9].

На эти доводы хотелось бы заметить следующее. Со строго юридической точки зрения третье лицо как *субъект процесса* появляется только тогда, когда заинтересованное лицо *в таком качестве будет допущено судом в дело*. До этого момента речь может идти лишь о *физическом или юридическом лице*, которое *намеревается вступить* в процесс в качестве третьего лица и *только номинирует* себя в этом качестве. Однако в процессуальной теории (настоящая работа не

представляет собой исключения) и законодательстве (ст. 65, 67, 69 ГПК) это *еще только вступающее* в дело физическое или юридическое лицо традиционно именуется также «третьим лицом» (конечно же, юридически это не совсем точно (на данное обстоятельство ученые уже обращали внимание [5, с. 12]) и может быть объяснено лишь тем, что термин «третье лицо», по большей части все-таки имеющий отношение к сущности обозначаемого им в этом случае понятия, ввиду своей краткости является более удобным в использовании). Игнорирование возможных смысловых оттенков данного термина при его употреблении по сути и привело авторов к первому из указанных выше возражений. Но ведь если разобраться, становится очевидным, что в решении проблемы количества и характера оснований, по которым суд вправе отказать третьему лицу (понятно, что во втором смысле этого термина) в рассмотрении его требований, тот факт, что третье лицо (разумеется, уже как субъект процесса) обладает процессуальным статусом истца, просто не может приниматься во внимание.

Выяснение вопроса о том, имеет ли иск третьего лица отношение к делу, т. е. направлен ли он на предмет спора первоначальных сторон, не требует от суда каких-либо правоприменительных операций, для этого достаточно просто ознакомиться с исковым заявлением третьего лица; и, конечно, навряд ли возможно такую процедуру отнести к числу действий по разрешению заявленных требований по существу. Что же касается тех осложнений, на которые указывала М. С. Шакарян, то ведь точно такие осложнения могут возникать при отказе в принятии искового заявления третьего лица по основаниям, предусмотренным ст. 245 и 246 ГПК (а необходимость отказа по этим основаниям М. С. Шакарян сомнению нисколько не подвергала). Более того, заинтересованное лицо вправе уже изначально, даже не попытавшись вступить третьим лицом в спор сторон, заявить свой иск самостоятельно.

Наконец, сам за себя говорит тот факт, что в новом процессуальном законодательстве России реализован подход, кардинально противоположный точке зрения В. Н. Аргунова и М. С. Шакарян: согласно абзацу 2 ч. 1 ст. 42 ГПК РФ в отношении лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, судья вправе вынести определение *об отказе в признании* их третьими лицами, т. е. отказать заинтересованным лицам во вступлении в процесс ввиду, как совершенно

верно отметила Т. В. Сахнова [15, с. 217], отсутствия связи их требований с рассматриваемым делом.

По мнению отдельных авторов, суд вправе отказать третьему лицу во вступлении в дело на том основании, что совместное рассмотрение его требования и первоначального иска нецелесообразно [18, с. 268]. Такая нецелесообразность действительно может иметь место, например, когда истцом было заявлено сразу несколько требований, а иск третьего лица имеет отношение только к одному из них. Однако законодательство (как ранее, так и сейчас) не позволяет отнести это к числу оснований, по которым третьему лицу может быть отказано в рассмотрении его требований, и потому иск третьего лица должен быть судом принят. Устранять же нецелесообразность разрешения в одном процессе всех этих притязаний следует (и об этом уже писалось в литературе [7, с. 7–8]) совсем другим, законодательно предусмотренным способом: путем выделения иска третьего лица и имеющего к нему отношение требования истца в отдельное производство на основании ч. 5 ст. 250 ГПК. Именно в таком ключе должна быть истолкована норма ч. 2 ст. 41 КоБС: она не устанавливает запрет на вступление в дело о расторжении брака и разделе имущества супругов третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, а указывает на обязанность суда после такого вступления выделить иск третьего лица и спор о разделе имущества в отдельное, от дела о расторжении брака, производство. К сожалению, однако, Пленум Верховного Суда в постановлении от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» на этот счет высказался далеко не столь однозначно, оставив тем самым возможность для разночтений нормы ч. 2 ст. 41 КоБС: в абзаце 4 п. 18 упоминается лишь, что иск третьего лица подлежит рассмотрению в отдельном производстве.

К слову сказать, при толковании ч. 2 ст. 41 КоБС Пленумом Верховного Суда была допущена и явная ошибка. Так, в абзаце 2 п. 18 постановления говорится: если раздел имущества супругов затрагивает права третьих лиц (по контексту имеются в виду третьи лица без самостоятельных требований на предмет спора), суду необходимо разъяснить сторонам их право на предъявление иска в общем порядке, поскольку ч. 2 ст. 41 КоБС в таких случаях не допускает разрешения в одном производстве требований о расторжении брака и разделе имущества. Другими словами, возможность вступления в спор о раз-

деле имущества третьих лиц без самостоятельных требований высшая судебная инстанция рассматривает в качестве *препятствия для принятия* судом этого спора *к рассмотрению* совместно с требованием о расторжении брака. Согласиться с этим никак нельзя. Перечень оснований, по которым суд вправе отказать истцу в принятии его заявления, закреплен в ст. 245, 246 ГПК. Часть 2 ст. 41 КоБС этот перечень не расширяет: из ее содержания прямо следует, что она запрещает суду лишь совместно *разрешать* (а не *принимать* к рассмотрению) соответствующие требования, т. е. устанавливает обязанность суда *при вступлении или привлечении* (наличия *только возможности* вступления или привлечения, на наш взгляд, еще недостаточно) в спор о разделе имущества супругов третьих лиц без самостоятельных требований выделить этот спор в отдельное от дела о расторжении брака производство.

Статья 95 ГПК БССР 1964 г. обязывала суд извещать о процессе между сторонами тех лиц, которые могут заявить самостоятельные требования на предмет спора, и разъяснять им их право на вступление в дело. Данная норма сохранилась и в действующем Кодексе (ст. 66 ГПК), однако в нее была привнесена следующая новелла: суд должен разъяснять третьему лицу право на предъявление иска *в 10-дневный срок с момента получения извещения*. В этой связи возникает вопрос: вправе ли суд отказать третьему лицу во вступлении в дело при нарушении последним 10-дневного срока? Представляется, что нет, так как ч. 1 ст. 65 ГПК разрешает третьим лицам, заявляющим самостоятельные требования на предмет спора, вступать в процесс *до вынесения судом решения*. Положение же ст. 66 ГПК о 10-дневном сроке на предъявление иска направлено, на наш взгляд, на то, чтобы *дисциплинировать* потенциальных третьих лиц, *побудить* их к как можно скорейшему решению вопроса о своем вступлении в дело и тем самым *предотвратить* излишние затраты времени, сил и средств всех субъектов процесса, т. е. введено в целях обеспечения реализации принципа *процессуальной экономии* и нисколько не противоречит ч. 1 ст. 65 ГПК. Таким образом, даже при нарушении 10-дневного срока иск третьего лица должен быть принят судом к рассмотрению, в то же время пропуск этого срока по неуважительным причинам может служить основанием для применения в отношении третьего лица мер гражданской процессуальной (ч. 1 ст. 139 ГПК) и административной (ст. 24.1 КоАП) ответственности.

Несоблюдение при обращении в суд предусмотренных законодательством требований не всегда чревато для третьего лица сразу отказом во вступлении в дело: при наличии соответствующих оснований его исковое заявление может быть оставлено без движения. Правомочность использования в отношении третьего лица этого процессуального института сомнений не вызывает, так как помимо ст. 248 ГПК, касающейся оставления без движения лишь исковых заявлений *о возбуждении дела*, нормы данного института содержатся и в «общей» части Кодекса – ст. 111 ГПК, посвященной исправлению недостатков *любых* процессуальных документов. Сложнее сказать, в какой срок судом должен быть решен вопрос о возможности принятия иска третьего лица к рассмотрению. Ведь в Кодексе говорится только о продолжительности стадии *возбуждения дела* (ст. 244 ГПК). Выход из создавшегося положения может быть найден, конечно, в применении нормы ст. 244 ГПК к третьему лицу *по аналогии*. Однако, во-первых, было бы гораздо более предпочтительно, если бы данный пробел был все-таки законодательно устранен (путем внесения соответствующих дополнений в ст. 65 ГПК), а, во-вторых, тот факт, что третье лицо вступает в *уже начатое* производство, требует, на наш взгляд, ограничения суда *более коротким*, чем это предусмотрено ст. 244 ГПК (например, не позднее дня поступления в суд искового заявления третьего лица), сроком для решения названного вопроса.

Нельзя также не обратить внимания на ряд проблем, связанных с обжалованием (опротестованием) определений суда, препятствующих третьему лицу вступить в дело. Прежде всего имеются в виду определения, в которых суд констатирует отсутствие у третьего лица права на предъявление иска или нарушение им порядка реализации данного права. Дело в том, что с формально-юридической точки зрения эти определения не могут явиться предметом обжалования (опротестования), так как не подпадают ни под один из критериев, указанных в ч. 1 ст. 433 ГПК. А именно, они не препятствуют возможности дальнейшего движения дела: рассмотрение спора между истцом и ответчиком будет продолжаться и без участия третьего лица. Нет в Кодексе и прямого указания на возможность обжалования (опротестования) данных определений. Так, ч. 3 ст. 247 ГПК позволяет подать частную жалобу (протест) лишь на определение об отказе *в возбуждении дела*, т. е. на определение, которым отсутствие права на предъявление иска или нарушение порядка его реализации устанавливается в отношении *истца*. Рассматривать же норму ч. 3 ст. 65 ГПК в качестве такого ука-

зания (как, например, поступала М.С.Шакарян, когда эта норма была закреплена еще в ч. 3 ст. 94 ГПК БССР 1964 г. [7, с. 8–9]) нельзя. Данная норма предоставляет право обжаловать (опротестовывать) определение суда об отклонении ходатайства третьего лица о рассмотрении его иска совместно с первоначальным (в терминологии ч. 3 ст. 94 ГПК БССР 1964 г. – ходатайства о допущении третьего лица к участию в деле). Но при отсутствии у третьего лица права на предъявление иска или нарушении им порядка реализации данного права такое определение не выносится. Во-первых, уже из содержания ч. 2 ст. 65 ГПК (ч. 2 ст. 94 ГПК БССР 1964 г.) следует, что оно может становиться судом *лишь в случае*, когда иск третьего лица не имеет отношения к рассматриваемому делу. Во-вторых, ходатайство третьего лица о рассмотрении его иска совместно с первоначальным суд вправе разрешать *только после того*, как убедится в *отсутствии* обстоятельств, перечисленных в ст. 245, 246 ГПК (ведь до принятия иска к совместному рассмотрению, нужно выяснить, существует ли, собственно, сам иск и объективирован ли он надлежащим образом), а значит, если у третьего лица нет права на предъявление иска или им нарушен порядок реализации этого права, суду следует не отклонять указанное ходатайство (до его разрешения суд еще не дойдет), а *отказываться в принятии искового заявления*. Таким образом, норма ч. 3 ст. 65 ГПК (ч. 3 ст. 94 ГПК БССР 1964 г.) имеет отношение к оспариванию лишь тех определений (и в таком понимании данной нормы мы не одиноки [8, с. 79; 18, с. 268]), которые выносятся по поводу отсутствия связи иска третьего лица с первоначальным спором.

По точно таким причинам в число определений, подлежащих обжалованию (опротестованию) отдельно от решения суда, не входят определения об оставлении искового заявления третьего лица без движения: дальнейшему ходу процесса они не препятствуют, часть же третья ст. 248 ГПК подразумевает подачу частной жалобы (протеста) на определение об оставлении без движения лишь искового заявления *о возбуждении дела*, а в ст. 111 ГПК про обжалование (опротестование) ничего не говорится.

Думается, сомнений в том, что все названные определения должны находиться в пределах сферы кассационного контроля, быть не может. В связи с чем видится необходимым – в плане текущего решения проблемы – применять нормы ч. 3 ст. 247, ч. 3 ст. 248 ГПК к указанным определениям *по аналогии*, а в перспективе – дополнить Ко-

декс положениями, непосредственно указывающими на право обжалования (опротестования) данных определений.

Как уже отмечалось выше, ч. 3 ст. 65 ГПК предоставляет право обжаловать (опротестовать) определение суда об отклонении ходатайства третьего лица о рассмотрении его иска совместно с первоначальным, воспроизводя тем самым аналогичное положение ч. 3 ст. 94 ГПК БССР 1964 г. Однако, в отличие от своего предшественника, ГПК 1999 г. допускает обжалование (опротестование) данного определения лишь *одновременно с обжалованием (опротестованием) решения суда*. Возникает вопрос: как понимать данную новеллу?

Во-первых, можно предположить, что норма ч. 3 ст. 65 ГПК подразумевает подачу частной жалобы (протеста) на соответствующее определение *в тот же временной интервал*, что и на решение суда, т. е. в течение 10 дней со дня вынесения решения или вручения кассатору по его требованию этого решения с мотивировочной частью. Едва ли, однако, такой вариант приемлем. Ведь обжалование (опротестование) этого определения *уже после постановления* решения не имеет никакого резона, так как ч. 1 ст. 65 ГПК позволяет третьему лицу вступить в дело *лишь до вынесения* судом решения. Нельзя не отметить также и то, что, если решение состоялось, любые вынесенные до него определения должны оспариваться не путем подачи частных жалоб (протестов), т. е. отдельно от решения, а посредством приведения соответствующих возражений в жалобе (протесте) на решение суда, так как последнее аккумулирует в себе результат вынесения всех предшествующих ему судебных постановлений.

Во-вторых, смысл нормы ч. 3 ст. 65 ГПК можно усматривать в том, что она имеет в виду обжалование (опротестование) указанного определения *вместе* с решением суда, другими словами, позволяет подать на решение суда кассационную жалобу (протест), в которой и будут приводиться возражения против названного определения. Кстати, именно таким образом данная норма интерпретируется в отечественной литературе [10, с. 242; 19, с. 91]. Но при таком подходе тоже вскрываются серьезные проблемы. Ведь тогда следует констатировать, что термины «*обжалование (опротестование)*» использованы в тексте статьи применительно к определению суда неправомерно (согласно ч. 3 ст. 433 ГПК речь должна идти о «*возражении*» против определения). Кроме того, для юридически заинтересованных в исходе дела лиц норма ч. 3 ст. 65 ГПК становится излишней, потому что ничего нового, по сравнению с ч. 1 ст. 399, ч. 3 ст. 433 ГПК, она для них

не приносит. А в отношении субъекта, которому суд отказал во вступлении в процесс в качестве третьего лица, норма ч. 3 ст. 65 ГПК приобретает дискриминирующий характер, так как возможность оспорить в кассационном порядке отказ суда допустить его в процесс сводит на нет. Ведь если ч. 3 ст. 65 ГПК, как мы установили, предоставляет право обжаловать определение вместе с решением (а точнее – обжаловать именно решение и лишь возражать против определения), то круг потенциальных кассаторов должен определяться применительно к последнему из этих судебных постановлений, т. е. в соответствии с ч. 1 ст. 399 ГПК (в ч. 3 ст. 65 ГПК не названы те лица, которые вправе обжаловать указанные в ней судебные акты, что представляется совершенно оправданным, так как этот вопрос может (и должен) являться предметом регулирования лишь главы 32 ГПК). Анализ же ч. 1 ст. 399 ГПК показывает, что субъект, которому суд отказал во вступлении в процесс в качестве третьего лица, в число возможных кассаторов решения *не входит* (и, на наш взгляд, не должен туда входить). Так, он не является юридически заинтересованным в исходе дела лицом (потому что не был допущен к участию в деле). Нельзя его считать и «иным лицом, в отношении которого суд вынес решение о его правах и обязанностях» (ведь таковым может быть признано лишь то не принимавшее участия в деле лицо, которое непосредственно в решении указано в качестве носителя определенных прав и обязанностей). Следует сказать, что если бы ч. 3 ст. 65 ГПК подразумевала обжалование не решения, а определения суда, для выявления круга потенциальных кассаторов пришлось бы также обращаться к ч. 1 ст. 399 ГПК (так как в § 5 главы 32 ГПК на этот счет нет никаких указаний, а ст. 434 ГПК требует руководствоваться соответствующими нормами, регулирующими обжалование решений). Однако интерпретация положений ч. 1 ст. 399 ГПК *применительно к определению суда не лишила бы субъекта*, которому суд отказал во вступлении в процесс в качестве третьего лица, права кассационного обжалования такого отказа. Ведь определение, названное в ч. 3 ст. 65 ГПК, в отличие от указанного в этой же норме решения выносится *в отношении данного субъекта*, а потому последний, не являясь, ввиду недопуска в процесс, юридически заинтересованным в исходе дела лицом, подпал бы под категорию «иные лица, в отношении которых суд вынес определение об их правах и обязанностях». Наконец, следует отметить еще один недостаток ч. 3 ст. 65 ГПК: проверку правильности отказа суда допустить третье лицо в дело она позволяет провести

только на том этапе процесса, когда совершенную судом ошибку можно исправить лишь путем отмены решения и направления дела на новое рассмотрение, а это, без сомнения, чревато дополнительными (точнее – повторными) затратами времени, сил и средств суда и участников процесса.

Таким образом, при любом подходе к ее толкованию новелла ч. 3 ст. 65 ГПК представляется явной неудачной. Поэтому, на наш взгляд, слова «одновременно с обжалованием (опротестованием) решения суда» следует исключить из текста ч. 3 ст. 65 ГПК и тем самым привести эту норму к редакции ч. 3 ст. 94 ГПК БССР 1964 г., которая вопрос об обжаловании (опротестовании) соответствующего определения суда решала абсолютно однозначно и правильно (небезынтересно отметить, что в тех странах постсоветского пространства (Россия, Молдова), где ГПК упоминают о возможности обжаловании такого определения, этот вопрос урегулирован аналогично ч. 3 ст. 94 ГПК БССР 1964 г.).

Если при подаче искового заявления третьим лицом были соблюдены все требования ГПК, оно *должно быть* принято судом к рассмотрению [23, с. 189]. И в этом плане мы не согласны с учеными, которые полагают, будто законодательство не возлагает на суд *обязанность* допустить третье лицо к участию в деле (не имеет значения, что высказывания ученых были сделаны в отношении ГПК РСФСР 1964 г. и ГПК РФ 2002 г., наши выводы одинаково справедливы и для белорусского и для российского законодательства, причем как нынешнего, так и ранее действовавшего) [9, с. 83; 11, с. 76]. Такая обязанность не требует непременно *текстуального закрепления* в нормативном акте (например, как это имеет место в ст. 244 ГПК). Она существует уже постольку, поскольку государство гарантирует каждому (в том числе и третьему лицу) право на судебную защиту. Эта обязанность с необходимостью корреспондирует праву на судебную защиту, является его прямым следствием и требует от суда принятия к рассмотрению любого поданного заявления, если соблюдены минимально необходимые для такого обращения формальности. Поэтому при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 65, ч. 1 ст. 111, ст. 245, ст. 246 ГПК, обязанность принять заявление третьего лица к производству возникает у суда *автоматически*.

Нередко третье лицо вступает в дело уже на стадии судебного разбирательства. В этом случае разбирательство дела должно быть отложено, чтобы предоставить суду (думается, что после принятия

искового заявления третьего лица к рассмотрению, он вправе, по аналогии со стадией подготовки дела, совершить действия, предусмотренные ст. 262 ГПК) и юридически заинтересованным в исходе дела лицам возможность подготовиться к процессу с учетом произошедших изменений [1, с. 9; 12, с. 10; 24, с. 130–131].

После отложения рассмотрение дела следует начинать с самого начала. Ведь к моменту вступления третьего лица в дело судом и участниками процесса уже было совершено то или иное количество процессуальных действий по его разбирательству (не исключено, что в том числе и такие ключевые, как исследование доказательств), и если эти действия не повторить заново с участием третьего лица, последнее окажется в худшем положении, чем остальные, при этих действиях присутствовавшие, участники процесса, его шансы повлиять на содержание решения суда и тем самым защитить свои интересы значительно уменьшатся, равно как снизится и вероятность установления судом истины в споре.

К сожалению, однако, названное требование прямо не закреплено в Кодексе, и, значит, каждый раз его реализация зависит от того, будет ли данное требование «выведено» судом из его первоисточника – основ гражданского судопроизводства, в частности, принципов права на судебную защиту, состязательности, равенства сторон, выяснения судом действительных обстоятельств дела. Очевидно, что воплощение в жизнь столь важного элемента процессуальной формы не может находиться в зависимости от умения и (или) желания каждого конкретного судьи пользоваться таким приемом, как аналогия права. Поэтому ст. 65 ГПК необходимо дополнить нормой о том, что после вступления третьего лица в дело рассмотрение последнего должно начинаться с самого начала. Кстати, новое процессуальное законодательство России (ч. 2 ст. 42 ГПК) и Украины (ч. 2 ст. 34 ГПК – правда, она подлежит применению лишь по ходатайству третьего лица) уже содержит такую норму. Весьма примечательно, что эта норма закреплена и в ч. 3 ст. 64 ХПК.

Правило о необходимости начинать рассмотрение дела с самого начала после вступления в него третьего лица приводит к следующему весьма важному выводу. Если суд отказывает в принятии искового заявления третьего лица или оставляет его без движения, рассмотрение спора между первоначальными сторонами не должно продолжаться до истечения срока на кассационное обжалование (опротестование) соответствующего определения суда, а в случае подачи на него

частной жалобы (протеста) – до окончания кассационного производства (при оставлении искового заявления без движения – также до истечения срока на исправление его недостатков), т. е. до окончательного разрешения вопроса о возможности вступления третьего лица в дело. В то же время откладывать разбирательство дела нет необходимости в том случае, когда суд отказывает в удовлетворении ходатайства третьего лица о рассмотрении его иска совместно с первоначальным, так как до момента постановления решения соответствующее определение оспорено быть не может. Попутно хотелось бы заметить, что, отказывая в удовлетворении названного ходатайства, суд не вправе тут же (конечно, при соблюдении подсудности и всех прочих условий) возбудить по заявленному третьим лицом требованию отдельное производство. На наш взгляд, это было бы нарушением принципа диспозитивности, ведь третье лицо желало рассмотрения его требования *в чужом* деле, и неизвестно, будет ли это желание актуально для самостоятельного процесса. Поэтому возбудить отдельное производство в отношении третьего лица суд может, и, как представляется, это вытекает из второго предложения ч. 2 ст. 65 ГПК, лишь на основе его *нового* искового заявления.

Сказанное выше позволяет констатировать, что вступление третьего лица в дело всегда отдалает момент разрешения спора судом. А это, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к определению сроков рассмотрения гражданских дел судом первой инстанции. Думается, ст. 158 ГПК следует дополнить нормой о том, что при вступлении третьего лица в процесс срок на рассмотрение дела исчисляется с момента такого вступления.

Наконец, в заключение, хотелось бы сделать несколько замечаний частного характера. Так, не совсем удачную редакцию имеет п. 4 ст. 262 ГПК. Формально из него следует, будто третье лицо с самостоятельными требованиями может быть *привлечено* судом к участию в деле. В действительности (и эта точка зрения общепризнанна в литературе) в силу принципа диспозитивности вступление третьего лица в дело не может состояться иначе, чем по его воле, и потому п. 4 ст. 262 ГПК нуждается в корректировке. Далее, в Кодексе четко определен момент выступления третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, в судебных прениях (ч. 2 ст. 290 ГПК), в то время как применительно к этапу рассмотрения

дела по существу подобное указание закона отсутствует (ч. 1 ст. 286 ГПК). Думается, это несоответствие должно быть устранено.

Таким образом, проведенное исследование позволило: определить главный из признаков, различающих третьих лиц и соистцов; дать оценку теоретической и практической оправданности появившихся в ГПК 1999 г. новелл по вопросу участия в деле третьих лиц с самостоятельными требованиями; вскрыть имеющиеся в Кодексе по этому вопросу пробелы; сделать целый ряд предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства.

Список использованных источников

1. *Аргунов, В. Н.* Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. Н. Аргунов; Моск. гос. ун-т. – М., 1980. – 18 с.
2. *Викут, М. А.* Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М. А. Викут; Моск. юрид. ин-т. – М., 1953. – 22 с.
3. *Грось, Л.* О третьих лицах в гражданском и арбитражном процессе / Л. Грось // *Хозяйство и право.* – 1999. – № 12. – С. 113–120.
4. *Добровольский, А.* О третьих лицах с самостоятельными требованиями / А. Добровольский // *Советская юстиция.* – 1959. – № 5. – С. 40–42.
5. *Туманова, Л. В.* Актуальные проблемы участия в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, и органов государственного управления, дающих заключение по делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л. В. Туманова; Саратов. юрид. ин-т. – Саратов, 1985. – 20 с.
6. *Чечот, Д. М.* Участники гражданского процесса / Д. М. Чечот // *Избранные труды по гражданскому процессу* / Д. М. Чечот. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 85–234.
7. *Шакарян, М. С.* Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: лекция / М. С. Шакарян. – М.: РИО ВЮЗИ, 1990. – 36 с.
8. *Щеглов В. Н.* Субъекты судебного гражданского процесса / В. Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 130 с.
9. *Гражданский процесс: учебник* / Д. Б. Абушенко [и др.]; отв. ред. В. В. Янков. – 5-е изд., испр. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2004. – 720 с.
10. *Гражданский процесс. Общая часть: учеб.* / Т. А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2006. – 576 с.
11. *Советский гражданский процесс: учеб.* / В. П. Воложанин [и др.]; отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семёнов. – М.: Юрид. лит., 1978. – 432 с.
12. *Аргунов, В.* Участие в гражданском процессе третьих лиц с самостоятельными требованиями / В. Аргунов // *Советская юстиция.* – 1978. – № 18. – С. 9–10.

13. Гражданский процесс: учебник / Е. А. Борисова [и др.]; под ред. М. К. Треушникова. – М.: ООО «Городец-издат», 2003. – 720 с.
14. *Аргунов, В.* Участие в гражданском процессе третьих лиц с самостоятельными требованиями / В. Аргунов // Советская юстиция. – 1982. – № 8. – С. 30–31.
15. *Сахнова, Т. В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 696 с.
16. Гражданский процесс России: учебник / С. Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. М. А. Видука. – М.: Юристъ, 2004. – 459 с.
17. Гражданский процесс. Хрестоматия: учеб. пособие / В. В. Аргунов [и др.]; под ред. М. К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ОАО «Издат. Дом “Городец”», 2005. – 896 с.
18. Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. / А. А. Мельников [и др.]; отв. ред. А. А. Мельников. – М.: Наука, 1981. – Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. – 464 с.
19. *Тихиня, В. Г.* Гражданский процесс: учеб: в 2 т. / В. Г. Тихиня. – Минск: УП «Минс. печ. фабрика» Гознака, 2002. – Т. 1. – 304 с.
20. *Васьковский, Е. В.* Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Изд-во «Зерцало», 2003. – 464 с.
21. Гражданский процесс БССР: учеб. пособие для юрид. вузов: в 4 ч. / Т. А. Белова и [др.]; под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. – Минск: Выш. школа, 1979. – Ч. 1. – 216 с.
22. Гражданское процессуальное право: учебник / С. А. Алехина [и др.]; под ред. М. С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.
23. *Осокина, Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учеб. пособие / Г. Л. Осокина. – М.: Юристъ, 2004. – 669 с.
24. *Коршунов, Н. М.* Гражданский процесс: учебник для вузов / Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев. – М.: Норма, 2004. – 848 с.
25. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. – Минск: Тесей, 2005. – 864 с.
26. *Скобелев, В. П.* Субъективные пределы действия законной силы в гражданском процессе / В. П. Скобелев // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2006. – Вып. 17. – С. 130–145.